Инсулин

Как мне казалось, я крепко стал на ступени эскалатора, медленно тянущегося ввысь к свету. Когда у меня тяжёлый рабочий день, я обычно постепенно избавляюсь от эмоций, что меня тяготят – злость, как только выйду за стены офиса; грусть, когда за моей спиной закрываются двери вагона; апатию снимаю вместе с белой рубашкой. Всё это протекает так, словно задумано природой или богом, но, если в процесс начинает вмешиваться разум, то всё может сломаться. Мысль перебивает мысль. Голова тяжелеет. На лбу выступает пот. Сердце отбивает ритм ритуального барабана.

Шум уходящего поезда, разговоры окружающих, реклама в громкоговорителе, тусклый свет жёлтых ламп и характерный запах метро. Всё вокруг в ожидании, когда появится щель, в которую можно просочиться и надавить ещё сильнее.

Так и случилось.

Я не ожидал, что это будет именно он. Меня ударили прямо в грудь, самую дальнюю её часть, самую глубокую, затрагивающую всё нутро. Но боли не было, я ощущал только сильную тяжесть по всему телу, словно меня резко, но плавно вдавили плашмя в деревянную стену. Мягкая текстура доски впитывает меня, оставляя занозы. С другой стороны, это не было ударом, скорее, крепким и грубым объятьем огромных и неаккуратных рук, раздавивших всё, что существовало внутри.

Мозг мгновенно растёкся и смешал всё в невкусную вязкую кашу, состоящую из того, о чём я думал в этот момент, что знал когда-либо, образы, доступные зрению, и речи людей, продолжавших двигаться со мной в одном направлении. Осталось только обоняние, которое обострилось в сто крат.

Меня словно отбросило на несколько лет назад. Я снова стал уязвим. Уязвим для своих же мыслей и чувств, и они воспользовались этим, чтобы нашептать о том, что я не собирался забывать, но прятал, чтобы намеренно не вспоминать. Проснулась тревога, сопровождавшая меня годами. Бесконтрольный поиск источника невидимой силы заставил перебирать взглядом всё происходящее вокруг, следить за каждым человеком. Я боялся увидеть такой же нервный взгляд, ищущий спасения.

Удивительно, как спокойно продолжает существовать иной мир, что находится вне меня, что окружает моё тело. В подземке продолжают работать шестерни эскалатора, кто-то бежит вверх или вниз, не боясь оступиться, а за пределами станции открывается ещё больший мир с миллионами иных процессов, что существуют параллельно друг другу, и, если кто-то захочет вмешаться в каждый из них, то не произойдёт ровным счётом ничего. Остановив поезд, наполненный людьми, в середине его маршрута, сотня жизней окажется заперта в душной металлической коробке глубоко под землёй, но это не заменит день ночью, не излечит больного, не вернёт мне спокойствия.

Холодный и еле видимый скелет воспоминаний начинает обретать массу, доставая из шкафа чувства, оставленные там навсегда. Стоны образов, что всплывают перед глазами, становятся всё чётче и от того решительнее. Медленно и неуклонно я вспоминал тёмные ночи, что казались чернее естественного, вспоминал рассветы, на которые не было возможности отвлечься, вспоминал ожидание в очередях, которым, как казалось, нет конца, а также слёзы отца, пытавшегося меня переубедить в моём выборе. Я провалился в собственное сознание и яма эта была наполнена чем-то тёмным и вязким. Но я не мог выбраться. Я не хотел.

Этот запах, что не даёт покоя, сейчас мне роднее всего. Я слышал его каждый день на протяжении очень долгих и тяжелых лет. Он был мне необходим не меньше, чем человеку, который делал себе инъекцию. Иногда он сопровождался тревогой и внутренним страхом, но зачастую, вслед за первым же мгновением, когда я его ощущал, наступало спокойствие. Для меня он стал естественным, обязательным.

Небытие длилось вечность, но эскалатор продолжал поднимать моё тело куда-то наверх, пока я выискивал источник тревоги, боясь, но надеясь увидеть её лицо.